

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГОРЬКОВСКИЙ...

ГОРЬКОВСКИЙ этот спектакль — и по глубине мысли, и по идейной направленности. Нередко бывает, что мы миримся и даже приветствуем спектакли только за то, что там имеется элементарное соблюдение авторской логики и аккуратное обращение с текстом, мы порой готовы принять академическую бесстрастность за некие традиции. Как будто можно себе представить горьковский театр без жаркой схватки противоположных сил, без страстных идейных споров, без живого отзвука современности.

СПЕКТАКЛЬ Г. Товстоногова в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького, может быть, не бесспорен в частностях, но он верен Горькому в главном. Свои сцены в уездном городе писатель назвал лаконично и исчерпывающе: «Варвары».

Варвары — это люди, которым «ничто не дорого». Они строят железные дороги, но не думают о тех, кто будет ездить по ним; они признают и даже создают машины, но равнодушны к тому, что под колесами новых машин погибает непонятая человеческая душа. Хищники, обирающие жизнь, они дают на пути всякого, кто попадаете им под ноги.

Ну, а те, другие, кто жил в сонной одуре толпого провинциального быта, играл на трубе, подворовывал маленькую казенные деньги, равнодушно лечил людей, думая только о себе, и понемногу прочерчена линия, образующая водораздел между теми и другими. Цивилизованные люди, цвет общества, строители жизни все заметнее сбрасывают с себя защитные платья культуры и под конец, обнаженные, оказываются просто дикарями.

Великий гуманист, Горький не прощает ни тем, ни другим. Не про-

шает им и режиссер Товстоногов. Клейкая, душная жизнь открывается на сцене (художник спектакля В. Степанов). Неумело, назойливо тренькает гитара, равнодушно и деловито на одной ноте кричит со сцены женщина, томительно, как гигантские песочные часы, течет время. И внимательный человек Павлин Головастикив, точно сыгранный Б. Рыжухиным, возникающий неожиданно и неслышно, как собственная тень, принохивается к солнцу, словно и на нем хочет найти следы недозволенных мыслей.

Вот, кажется, приедут инженеры, проведут железную дорогу, возмутят, взвешивая застоявшуюся тину, откроют перед человеком возможность иной жизни. Но беда в том, что, как говорит опустившийся пропавца Дунькин муж, «дороги строят, а идти человеку некуда».

Некуда, если нет цели. Но будут, уже есть люди, которые видят эту цель. За ними будущее, даже если сейчас они еще не все знают, не все понимают. Одни из них, не способные на компромисс, не справятся с болью грубо сломанной веры, как Надежда Монахова, другие, как Степан или едва вступающая в жизнь Катя Редозубова, доберутся до правды.

Опасная сила варваров — временная сила. Она не может быть вечной. И вот варвары теряют почву, все больше чувствуя свою немощь и бессилие. Через весь спектакль тонко прочерчена линия, образующая водораздел между теми и другими. Цивилизованные люди, цвет общества, строители жизни все заметнее сбрасывают с себя защитные платья культуры и под конец, обнаженные, оказываются просто дикарями.

ТОВСТОНОГОВ прочел «Варваров» как трагикомедию. Он не отказывается от смешного, чтобы подчеркнуть драматизм. Так, все время вкрапляется в смешное ужасное, и пронизывает трагическое смешным. Так, все время дополняют и оттеняют друг друга маленькое и страшное, смешное и трагическое. Наибольшей изобразительной силы это соединение достигает в третьем акте, на празднике, устроенном в честь рождения Богаевской.

Темнеет, высокий дощатый забор, отгораживающий дом Богаевской от мира Редозубовых, покосилась старая, побуревшая от времени круглая дворянская беседка с шербатыми ступенями, наивные бумажные фонарики — следы тихой девической жизни — висят над большим пустынным столом; беспорядочно сгрудились винные бутылки, давно перепутаны бокалы, закуски, фрукты; люди появляются, подходят к столу, бесцеремонно разглядывают этикетки, наливают вино, которое оказалось ближе, и снова уходят, уходят, как в случайном трактире, стоящем у дороги. Выпьют, исчезают, потом возникают опять — пьяные, равнодушные, прилипчивые. Рядом поигрывает наивная садовая музыка, зло философствует доктор, по пятам преследует жену акцизный надзиратель; распустив круглый живот, смачно и долго икает довольный собой Притыкин.

Смешно? Может быть. Но и страшно. Особенно страшно, когда Надежда, стоя у стола, не замечая пьяного беспорядка, неотступно смотрит на Чиркуна своими огромными, ярко-синими, заволаживающими и доверчивыми глазами, словно уже отдает себя в его власть. А на сцене под громкие звуки бра-

вурного марша, оглабая беседку, медленно и неслышно выползают из всех щелей пьяные гости. Их желания эгоистичны. Они потребители. Хуже того, они варвары. Неудивительно, что они и погубили Монахова.

ПОСМОТРИТЕ на нее в исполнении Т. Дорониной. Красивая, синеглазая, еще совсем молодая и очень сильная, меньше всего она похожа на профессиональную львицу. Да, она немножко смешна, слишком крикливо одета, разговаривает на иностранном жаргоне, усвоенном из дешевых переводных романов. Но, когда она говорит о любви, даже нелепый словарь не может сделать ее чувства смешными, потому что любовь для нее — неосознанная и единственно доступная ее пониманию форма гармоничной жизни, потому что она натура незаурядная и творческая (и этого в спектакле не заслуживает наивно-провинциальный облик). Она только в любви видит преображение. Смешно, когда грубоватый, эгоистичный и на поверку ничтожный Чиркун превращается в ее воображении чуть ли не в идеального античного героя. Но страшно, когда, развенчав свой идеал, Надежда без жалоб, без громких слов и обвинений уходит из жизни. Самоубийство Монаховой в спектакле — обвинительный приговор Чиркуну. Его нравственно расстреливает выстрел Надежды. Но этот же выстрел возвращает давно утраченное человеческое достоинство Маврикию Монахову.

Монахов, замечательно сыгранный Е. Лебедевым, по праву делит с Надеждой самое крупное и принципиальное завоевание спектакля. Все непорочно в этом человеке с пронзительным, недозверчивым взглядом и витиевато-шутовскими манерами. Под форменным мундиром акцизного надзирателя скрыта беспокойная

душа честолюбца. Мнительность сделала его настороженным, боязнь потерять — вкрадчивым, подозрительным — выслеживающим. Он смешон, неприятен и жалок. Но его боль — настоящая, невыдуманная. Эта боязнь правды сделала его шутком. Страх перед жизнью заставляет гаерствовать. И все для того, чтобы напоследок услышать от Надежды равнодушное и прощальное: «Иди один, покойник... Иди!». Медленно и покорно уходит Монахов — Лебедев. Невозможно забыть его сразу поникшую спину, внезапно отяжелевшую походку, виновато опущенную голову. Он, Монахов, расплачивается за смерть Надежды жизненным крушением. Но, обвинив себя, он со всей силой прозревшего маленького человека обвиняет тех, кто равнодушен к человеческой судьбе. Он обвиняет несправедливую жизнь, изуродовавшую его душу и убившую Надежду. Он обвиняет варваров.

«ВАРВАРЫ» — спектакль актерский. В нем все выражено с помощью исполнителей и через них. Недаром в нем так много актерских удач. вновь блеснула тонким реалистическим мастерством О. Казико в роли Богаевской. В новом качестве раскрылся В. Стрельчик. Его Цыганов — характер сложный и емкий. Изверившийся, опустошенный цивилизованный варвар, он под конец жизни расплачивается за свое бесплодное, эгоистическое существование безнадёжной и бессмысленной любовью.

Выразительна фигура Редозубова — В. Полищайма, этакого уездного короля Лира, переживающего драму отверженности. Но причины его страдания так ничтожны, а притязания так нелепы, что, чем больше он страдает, тем больше смеется зал. С органичным юмором, очень естественно играет В. Кузнецов нелепого и трогательного в своей чудовищной наивности Гришу. Свообразие и интересно прочтены роли

Лидии, в которой Н. Ольхина утверждает тему исканий настоящего человека, и Анны, у которой И. Кондратьева выдвигает на первый план духовное бессилие, эгоистическую слабость.

Сложная задача поставлена в спектакле перед Чиркуном. Человек, режущий в глаза правду, могучий, он под конец обмяк, заюлил, сдался. П. Луспекаев — актер для Ленинграда новый — покоряет своей искренностью, обаянием, правдой сценической жизни. Но где-то индивидуальность исполнителя заслоняет характер героя. Подчас мягкость актерской манеры излишне смягчает и весь рисунок Чиркуна. Недаром именно этот образ в спектакле вызывает наиболее активные споры. Спорна, на мой взгляд, и несколько сгушенная бытовая окраска обоих Притыкиных.

Но на главном направлении спектакль не только проникает в глубь пьесы, но и естественно приближает ее содержание к вопросам, волнующим нас сегодня. Выстрелила в себя Монахова. Уедут опустошившие все Цыганов и Чиркун. Так же повиснет сонная одурь над городом редозубовых и павлинов. Но уже ушел из города Степан Лукин. Уходит за ним Катя, превосходно сыгранная З. Шарко, не кто-нибудь — дочь и опора самого Редозубова. Их дорога ясна. Они дойдут. И если вернутся, то для того, чтобы уничтожить варваров, чтобы вернуть к жизни поверженную варварами красоту жизни.

Вот эта-то мысль, последовательно проводимая через весь спектакль, и делает его горьковским.

Р. БЕНЬЯШ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

31 марта 1960 г.

3 стр.